

УДК 801.81

РЕАЛИИ КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В АНГЛО-ШОТЛАНДСКИХ НАРОДНЫХ БАЛЛАДАХ

О. С. Филимонова

*Тулский
государственный
педагогический
университет
им. Л. Н. Толстого*

*e-mail:
virginia-olga@mail.ru*

В статье анализируется оригинальный текст англо-шотландских народных баллад, принадлежащих к различным направлениям, а также рассматривается вопрос о роли реалий в выражении категории времени.

Ключевые слова: реалия, историзм, архаизм, категория времени.

Знакомясь с балладным жанром, читатель открывает для себя новый мир, полный необычных или неизвестных предметов и явлений. Для создания подобного мира автор использует реалии, свойственные именно этому жанру. Однако нужно заметить, что понятие «реалии» не до конца изучено. Ни в лингвистике, ни в методике, ни в лингвострановедении «нет достаточно четких критериев определения реалий и совершенно не изучена специфика языковых единиц, которые обозначают эти реалии» [1].

В словаре лингвистических терминов О. С. Ахманова определяет реалии как «предметы материальной культуры, а также разнообразные факторы, изучаемые внешней лингвистикой, такие как государственное устройство данной страны, история и культура данного народа, языковые контакты носителей данного языка и т.п. с точки зрения их отражения в данном языке» [2]. Из этого определения вытекает тот факт, что в реалиях отражается близость между языком и культурой. При возникновении новых реалий в материальной и духовной жизни общества появляются реалии и в языке. Тем не менее, в языке существует большое количество других слов, которые выражают смысловые и эмоциональные «фондовые» оттенки, называя при этом самые обычные понятия. По сравнению с другими словами языка отличительной чертой реалии является характер ее предметного содержания, то есть тесная связь обозначаемого реалией предмета, понятия, явления с «лингво-культурным сообществом», с одной стороны, и историческим отрезком времени – с другой [3]. Отсюда следует, что реалии присущи не только местный (национальный) или исторический колорит, но и временной. Этот факт подчеркивают в своем определении С. И. Влахов и С. П. Флорин, которые выделяют реалии в особую категорию средств выражения: «Реалии – это слова и словосочетания, называющие предметы, явления, объекты, характерные для жизни, быта, культуры, социального развития одного народа и малознакомые либо чуждые другому народу, выражающие национальный и (или) временной колорит» [4].

На основе временного критерия все реалии мы условно можем разделить на современные и устаревшие. При этом устаревшие реалии можно определить как слова обозначающие мертвые реалии или как слова, переставшие употребляться в обычной речи, а современные (неологизмы) как слова, возникшие в данный период времени [1]. В данной работе нас интересуют только устаревшие реалии, т. к. именно с их помощью автор создает образ прошлого в балладах. Эти реалии мы подразделяем на исторические реалии (историзмы) и архаические реалии (архаизмы).

Однако устаревшие слова характерны для всех старинных текстов, и те из них, которые в момент создания произведения были употребительными, лишены стилистической окраски. В нашем исследовании рассматривать как элемент стиля мы будем только те устаревшие реалии, которые в момент возникновения или первичной записи уже были вытеснены из активного употребления, и использование которых пред-

ставляло собой результат сознательного отбора языковых средств безымянными авторами баллад с целью эмоционального воздействия на слушателя.

К первой группе устаревших реалий мы относим исторические реалии, или историзмы, которые представляют собой «слова вышедшие из употребления в связи с исчезновением обозначавшихся ими понятий» [5].

Историзмам принадлежит доминирующая роль в выражении времени. Они реализуются в балладных текстах в своей номинативной функции, образуя каркас историчности, и передают временные отношения эксплицитно и регулярно в своем первичном кодовом значении, при этом семантическое значение историзмов имеет определенную временную характеристику. Так, например, в героико-исторических балладах, описывающих сражения, вооруженные конфликты (например, между Англией и Шотландией), распространен историзм «bill» («алебарда») (bill – weapon of war (sword or halberd); pruning-hook [6]). Такой пример мы находим в балладе «Chevy Chase»:

He was 'ware o' the doughty Douglas coming
With him a mighty meany;
Both with spear, *bill*, and brand; [7].

Еще одним типичным для англо-шотландских народных баллад историзмом является «mace» («булава») (mace – a large heavy club formerly used as a weapon, usually having a head with metal points [6]). Использование этого историзма мы находим в балладе «Valentine and Ursine»:

Mad and outrageous with the pain,
He whirl'd his *mace* of steel:
The very wind of such a blow
Had made the champion reel [8].

Следующую лексему «axe» («секира»), относящуюся к описанию снаряжения воина той эпохи, мы обнаруживаем в балладе «Adam Bell, Clym of the Cloughe» (axe – a heavy tool with a long handle formerly used as a weapon [6]):

Wyllyam sterte to an officer of the towne,
Hys *axe* out of hys hande he wronge,
On eche syde he smote them downe,
Hym thought he taryed all to long [8].

Другой историзм, «gorget» («латный воротник») (gorget – throat armour [6]), является точным обозначением элемента средневековой боевой одежды в балладе «Sir Aldingar»:

I dreamed a grype and a grimlie beast
Had carried my crowne away,
My *gorget* and my kirtle of golde,
And all my heade-geare [gay]. [9]

Во многих балладах о Робине Гуде мы встречаем историзм «yeoman» («йомен, или крестьянин в Англии 14-18 вв.») – attendant below the rank of sergeant (XIV); freeholder below the rank of a gentleman, (hence) man of good standing (XV) [6]. Такое использование мы находим в балладе «Robin Hood and Guy of Gisborne»:

Until they came to the merry green wood
Where they had gladdest bee;
There were they ware of a wight *yeoman*,
His body leaned to a tree [8].

В балладных текстах мы часто встречаем указание на определенное время с помощью лексем «Lammas» и «Martinmas». Историзм «Lammas» (1st August, the feast of St. Peter in Chains, observed in Anglo-Saxon England by the consecration of bread made from the first ripe corn [6]) не только переносит читателя в прошлое, но и указывает конкретную дату описываемого события (праздник урожая, 1 августа). Такую картину мы обнаруживаем в балладе «Young Ronald»:

It fell upon the *Lammas* time,
When flowers were fresh and green,
And craig and cleugh was covered ower
With cloathing that was clean [7].

Аналогичный историзм «Martinmas» (feast of the translation of St. Martin of Tours [6]), или Мартынов день (11 ноября), мы находим в балладе «Captain Car»:

It befell at *Martinmas*,
When weather waxed cold,
Captain Car said to his men,
“We must go take a hold” [7].

Таким образом, историзмы, выполняя стилистическую функцию, способствуют созданию реалистического колорита при изображении старины.

Кроме историзмов в англо-шотландских балладах частотны архаизмы, т.е. «слова, называющие существующие реалии, но вытесненные по каким-либо причинам из активного употребления синонимичными лексическими единицами» [5]. Они также участвует в передаче ретроспективы. При этом архаизмы в отличие от историзмов оказываются в зависимом положении при выражении категории времени, т.к. не передают временные отношения в своем первичном значении, а скорее служат средством стилистической окраски, дополняя историчность текста.

В нашем исследовании, анализируя балладные тексты, мы пришли к выводу, что их можно условно разделить на четыре тематические группы:

1-я группа – **обозначения внешности, эмоций, поступков человека (личностная сфера)**. Например, употребление архаизма «*ugsome*» («ужасный, отвратительный») в балладе «*Sir Aldingar*»:

«Since she has lain into your arms,
She never shall lie in mine.
Since she has kissed your *ugsome* mouth,
She never kiss mine» [8].

Лексема «*ugsome*» представляет собой своеобразное единство двух стилистических средств: архаизмов и эпитетов (*ugsome* – *ugly*; *offensive*; *loathsome* [10]). Архаичный эпитет «*ugsome*» обладает оценочным компонентом, выражая резко отрицательное, презрительное отношение короля к уродцу-нищему, оскорбившему королевскую честь.

В этой же балладе сосуществуют синонимы «*boot*» («значение, польза») и «*help*» (*boot* – *profit*, *gain*, *advantage*, *use* [10]). «*Boot*» на момент записи уже являлось архаизмом, «*help*» – нейтральным словом. Архаизм обладал большей экспрессией из-за неупотребительности в активном языке и, кроме того, отличался от своего синонима оттенком значения, передача которого была необходима по сюжету: не просто помощь, а помощь в момент большой, часто смертельной опасности, когда уже нет надежды. Использование архаизма контекстуально обусловлено – королева была спасена уже в момент казни:

When *bale* is at hiest, *boot* is at nyest –
Help enough there may be [8].

В этом же предложении звучит также устаревшее слово «*bale*» («несчастье, бедствие, горе») – *misery*, *calamity*, *misfortune*, *sorrow* [10]. Употребление двух старинных слов при описании кульминационного момента баллады усиливает стилистический эффект.

В поздней балладе, записанной в конце XVIII в., «*The Laird O Drum*» можно обнаружить архаизм «*grie*» (*to feel sorrow and regret*; *sorrow*, *regret* [10]). В основе баллады лежат события, относящиеся ко второй половине XVII в., что позволяет утверждать, что на момент возникновения, и на момент записи лексическая единица «*grie*» в значении «жалеть, страдать» была уже вытеснена из языка и использовалась в значении «сожалеть о чем-то, раскаиваться», в котором оно закрепилось в активном словаре.

Архаичный вариант лексемы «grie» имеет эмоционально-стилистическую направленность, его употребление обусловлено поэтической задачей придать монологу героя взволнованно-поэтический тон, донести до слушателя глубину его переживаний.

O, my bonny, bonny may,
Will ye not *rue* upon me?
A sound, sound sleep I'll never get
Until I lie ayon thee [9].

2-я группа – **обозначения социального положения человека (общественная сфера)**. В поздней балладе «Flodden Field», записанной в XVIII в., употреблено слово «chivalry» («рыцарское достоинство») – the ideal qualities expected of a knight, such as courage, honour and concern for weak and helpless people [6]:

Then bespake our comlye fing
And called upon his *chivalry* [9].

Архаизм как бы возвращал слушателей в средневековье, способствовал воссозданию реальных черт рыцарской эпохи. В XVIII в. рыцарство уже ассоциировалось с набором идеальных качеств: благородства, мужества, отвага, смелость – в таком значении слово стало употребляться по истечении эпохи средневековья. На слушателя оказывало воздействие совмещение в одном слове двух значений – известного ему и архаичного. Неповторимый «привкус» старины придают стилю баллады другие архаизмы, характерные для многих баллад, в которых они выступают как средство исторической стилизации, например, «varlet» и «dame» (varlet – servant, attendant of a knight; dame – lady of the house; the wife of a knight or baronet [6]) в балладе «Robin Hood Rescuing Will Stutly»:

«Now, as a live», the sheriff he said,
«The *varlet* will I know;
Some sturdy rebel is that same;
There fou let him go».
Monke, thou art to blame;
For god holde a ryghtuys man
And so is his *dame* [7].

Слово *dame* выступало в двух архаичных значениях: «домашняя хозяйка», как в приведенном примере, и «жена рыцаря, баронета». В XVIII в. *dame* стало употребляться преимущественно для обозначения знатной или изысканной, благородной женщины, то есть сохранилась связь со старым значением.

3-я группа – **обозначения одежды**. Среди архаизмов, обозначающих одежду, встречается целый ряд наименований для обозначения понятия «платье». Лексема «robe» («одеяние, женское платье») (robe – long, loose outer garment [6]) типична для очень многих баллад, как лирико-драматических, так и исторических. Это слово используется в поэтических целях примерно с XVI в. В балладе «Mary Hamilton», события которой относятся к концу XVI в., а сама баллада появилась около 1764 г., «robe» было архаизмом и при создании, и при записи баллады:

Marry, put on your *robes* o black
Or put your *robes* o brown:
For ye maun gang wi me
The night ti see fair Edinburg town [9].

В данной балладе устаревшая лексика используется для создания атмосферы того времени и тем самым способствует реалистичности описания.

Еще один типичный архаизм «array» («наряд, одеяние, облачение») (array – dress; garments disposed in order upon the person; rich or beautiful apparel [10]) мы находим в балладе «King John and the Abbot of Canterbury»:

"Now horses and serving men thou shalt have,
With sumptuous *array* most gallant and brave;
With crosier, and miter, and rochet, and cope,
Fit to appear 'fore our fader the pope" [8].

Это устаревшее слово также характерно для лирико-драматических баллад и выполняет роль поэтической инкрустации.

Архаизм «pall» («манья, облачение») (pall – cloth, esp. (a) rich cloth; robe, mantle [6]) представляет собой результат отбора стилистических средств с целью конкретизации понятия: «pall» отражает в тексте стилистические различия синонимичных слов, поскольку оно обозначало не обыкновенное платье, а платье из богатого материала, которое носили знатные дамы. Пример можно привести из шотландской баллады «The Cruel Brother», популярной среди крестьянского населения до XIX в.:

- What will yor leave your mather dear?
- My velvet *pall* and my silken gear [8].

Выбор именно архаичной единицы «pall» из числа всех обозначений стилистически оправдан, так как подчеркивает знатное происхождение молодой особы, погибшей от рук брата, не простившего ей намерения выйти замуж без его позволения.

4-я группа – **обозначение животных**. В балладах функционируют несколько синонимичных слов, обозначающих животных, в частности, лошадь. Эти наименования не были дублетами, а, как и все синонимы, различались оттенками значений. Это определяло их выбор в каждом конкретном случае. Например, слово «steed» (steed – a horse, especially a spirited horse for state of war [10]) до устаревания имело ограниченную среду употребления: обозначало преимущественно боевых коней. С XVI в. это существительное стало использоваться только в поэтических целях. Оно фигурирует в героико-исторических или балладах повышенного поэтического, лирического настроения: как правило, на таком коне появляется доблестный рыцарь и увозит девушку. Такую картину мы обнаруживаем в поздней балладе «Bonnie May», возникшей в Шотландии и на севере Англии:

Now he's come aff his milk-white *steed*,
And he has taen her hame:
“Now let your farther bring hame the ky,
You neer mair shall ca them agen...” [9].

Архаизм «steed» почти не воспринимается в разбойничьих балладах, поскольку в момент их возникновения данная лексическая единица обозначала боевых, «рыцарских» коней, не имеющих отношения к «лесным братьям». В таких балладах чаще употребляется синоним «palfrey» («верховая лошадь, преимущественно дамская») (palfrey – a horse trained for riding, especially for use by a woman [10]). Например, в балладе «A Gest of Robyn Hode»:

Than were they weire of two black monkes
Eche on a good *palfrey* [9].

Таким образом, выбор того или иного архаичного обозначения лошади стилистически и ситуационно дифференцирован.

Подводя итог сказанному о реалии, следует подчеркнуть важность ее роли при построении нового мира, мира прошлого. Так, устаревшая лексика действительно придает стилю баллады высокий поэтический тон, отчасти в результате «ассоциации с малознакомой и опозитизированной древностью» [11], воспроизводит реальную историческую обстановку, украшает речь героев, характеризует их внутреннее состояние, настроение, внешние и личностные качества. Исторические реалии в балладах используются для передачи исторического колорита, создания временной и пространственной отдаленности событий. Выбор той или иной реалии диктуется конкретными стилистическими задачами.

Список литературы

1. Томахин Г. Д. Реалии в языке и культуре / Г. Д. Томахин // Ин. языки в школе. – 1997. – № 3. – С. 14 – 16.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.

3. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 288 с.
4. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – М.: Международные отношения, 2009. – 360 с.
5. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Отв. ред. В. Н. Ярцева. – Изд. 2-е, репринтное. – М.: Большая Рос. энцикл., 1998. – 685 с.
6. The Concise Oxford Dictionary of English Etymology / ed. by T. F. Hoad. – L.: Oxford University Press, 2003. – 560 p.
7. Old English Ballads and Folk Songs / ed. by William Dallam Armes. – NY: The Macmillan Company, 1904. – 222 p.
8. Old English Ballads. A Collection of Favourite Ballads of the Olden Time. – London, 1864. – 272 p.
9. Английская и шотландская народная баллада: Сборник / Сост. Л. М. Аринштейн. – М.: Радуга, 1988. – 512 с.
10. Webster's Unabridged Dictionary. – NY: Random House, 2005. – 2256 p.
11. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – Изд. 2-е. – М.: УРСС, 2004. – 648 с.

REALIA AS STYLISTIC MEANS OF EXPRESSION OF CATEGORY OF TIME IN ENGLISH AND SCOTTISH POPULAR BALLADS

O. S. Filimonova

*Tula
State
Lev Tolstoy
Pedagogical
University*

*e-mail:
virginia-olga@mail.ru*

This article analyses the original text of the English and Scottish popular ballads belonging to different directions and discusses the problem of the role of the realia in the realization of category of time.

Key words: realia, historicism, archaism, category of time.